

Э. Гуссерль

Логические исследования

Часть 1. Прологомены к чистой логике

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Э1

Э1 **Э. Гуссерль**
Логические исследования: Часть 1. Прологомены к чистой логике / Э. Гуссерль – М.: Книга по Требованию, 2021. – 240 с.

ISBN 978-5-458-26475-4

ISBN 978-5-458-26475-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе автора.

Логическія изслѣдованія, опубликованіе которыхъ я начинаю съ этихъ пролегоменъ, вызваны были неустрашимыми проблемами, на которыя я постоянно наталкивался въ моей долготѣнной работѣ надъ философскимъ уясненіемъ чистой математики, и которыя, въ концѣ концовъ, прервали ее. Въ частности, наряду съ вопросами о происхожденіи основныхъ понятій и основоположеній математики, эта работа касалась также трудныхъ вопросовъ ея метода и теоріи. То, что въ изложеніи традиціонной или всякаго рода новой логики должно было бы казаться легко понятнымъ и до прозрачности яснымъ, а именно раціональная сущность дедуктивной науки съ ея формальнымъ единствомъ и символической методикой, представлялось мнѣ, при изученіи дѣйствительной природы дедуктивныхъ наукъ, темнымъ и проблематичнымъ. Чѣмъ глубже я анализировалъ, тѣмъ сильнѣе сознавалъ, что логика нашего времени не доросла до современной науки, которую она все же призвана разъяснять.

Особенныя затрудненія испыталъ я, занимаясь логическимъ изслѣдованіемъ формальной ариметики и ученія о многообразіяхъ (*Mannigfaltigkeitslehre*),—дисциплины и метода, выходящихъ за предѣлы всѣхъ спеціальныхъ числовыхъ и геометрическихъ формъ. Это изслѣдованіе привело меня къ соображеніямъ весьма общаго характера, возвышавшимся надъ сферой математики въ узкомъ смыслѣ и тяготѣвшимъ къ общей теоріи формальныхъ дедуктивныхъ системъ. Изъ множества намѣтившихся при этомъ проблемъ я упомяну здѣсь лишь объ одной группѣ.

Явная возможность обобщеній или видоизмѣненій формальной ариметики, путемъ которыхъ она, безъ существен-

наго нарушенія ея теоретическаго характера и счислительной методики можетъ быть перенесена за предѣлы количественной области, должна была привести къ мысли, что количественное вовсе не относится къ универсальной сущности математическаго или „формальнаго“ познанія и вытекающаго изъ него счислительнаго метода. Когда я затѣмъ въ лицѣ „математизирующей логики“ познакомился съ дѣйствительно неколичественной математикой, съ неоспоримой дисциплиной, обладающей математическою формой и методомъ и изслѣдующей отчасти старыя силлогизмы, отчасти новыя, неизвѣстныя традиціонной логикѣ, формы умозаключенія, тогда предо мною стали важныя проблемы объ общей сущности математическаго познанія вообще, о естественныхъ связяхъ или возможныхъ границахъ между системами количественной и неколичественной математики и въ особенности, напр., объ отношеніи между формальнымъ элементомъ въ ариметикѣ и формальнымъ элементомъ въ логикѣ. Отсюда я, разумѣется, долженъ былъ прійти къ дальнѣйшимъ, болѣе основнымъ вопросамъ о сущности формы познанія въ отличіе отъ содержанія познанія и о смыслѣ различія между формальными (чистыми) и матеріальными опредѣленіями, истинами и законами.

Но еще и въ совершенно иномъ направленіи я былъ втянутъ въ проблемы общей логики и теоріи познанія. Я исходилъ изъ господствующаго убѣжденія, что, какъ логика вообще, такъ и логика дедуктивныхъ наукъ, могутъ ждать философскаго уясненія только отъ психологіи. Соотвѣственно этому психологическія изслѣдованія занимаютъ очень много мѣста въ первомъ (и единственномъ, вышедшемъ въ свѣтъ) томѣ моей „Философіи ариметики“. Это психологическое обоснованіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ никогда не удовлетворяло меня вполне. Гдѣ дѣло касалось происхожденія математическихъ представленій или развитія практическихъ методовъ, дѣйствительно опредѣляемаго психологическими условіями, тамъ результатъ психологическаго анализа представлялся мнѣ яснымъ и поучительнымъ. Но какъ только я переходилъ отъ психологическихъ связей мышленія къ логическому единству его содержанія (единству теоріи), мнѣ не удавалось добиться подлинной связности и ясности. Поэтому мною все болѣе овладѣвало прин-

ципальное сомнѣніе, какъ совмѣстима объективность математики и всей науки вообще съ психологическимъ обоснованіемъ логики. Такимъ образомъ, весь мой методъ, основанный на убѣжденіяхъ господствующей логики и сводившійся къ логическому уясненію данной науки путемъ психологическаго анализа, пошатнулся, и меня все болѣе влекло къ общимъ критическимъ размышленіямъ о сущности логики и, въ частности, объ отношеніи между субъективностью познаванія и объективностью содержанія познаванія. Не найдя отвѣта въ логикѣ на вопросы, уясненіе которыхъ я отъ нея ждалъ, я въ концѣ концовъ былъ вынужденъ совершенно отложить въ сторону мои философско-математическія изслѣдованія, пока мнѣ не удастся достичь безспорной ясности въ основныхъ вопросахъ теоріи познанія и въ критическомъ пониманіи логики, какъ науки.

Выступая теперь съ этой попыткою новаго обоснованія чистой логики и теоріи познанія, явившейся результатомъ многолѣтняго труда, я надѣюсь, что самостоятельность, съ которою я ограничиваю свой путь отъ путей господствующаго логическаго направленія, ввиду серьезности руководившихъ мною мотивовъ, не будетъ ложно истолкована. Ходъ моего развитія привелъ къ тому, что въ основныхъ логическихъ взглядахъ я далеко отошелъ отъ произведеній и мыслителей, которымъ я больше всего обязанъ въ своемъ научномъ образованіи, и что, съ другой стороны, я значительно приблизился къ ряду изслѣдователей, произведеній которыхъ я раньше не сумѣлъ оцѣнить во всемъ ихъ значеніи и которыми, поэтому, слишкомъ мало пользовался въ своихъ работахъ. Я долженъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ дополнительнаго внесенія обширныхъ литературныхъ и критическихъ указаній на родственныя изслѣдованія. Что же касается моего деревновеннаго критическаго отношенія къ психологической логикѣ и теоріи познанія, то я напому слова Гегеля: „Ни къ чему не относишься такъ строго, какъ къ недавно оставленнымъ заблужденіямъ“.

Предисловіе редактора русскаго изданія.

„Логическія изслѣдованія“ проф. Э. Гуссерля—первая часть которыхъ, посвященная уясненію понятія и основъ науки логики, предлагается теперь вниманію русскихъ читателей—представляютъ, по согласному мнѣнію специалистовъ, одно изъ самыхъ выдающихся произведеній логической литературы послѣднихъ лѣтъ. Безспорная заслуга Гуссерля—все равно, раздѣляемъ ли мы его собственную точку зрѣнія или нѣтъ—состоитъ въ томъ, что онъ вноситъ подлинную ясность въ основныя логическія понятія и тѣмъ содѣйствуетъ разрѣшенію споровъ, которые грозятъ затянуться до безконечности въ силу двусмысленности и неопредѣленности понятій и терминовъ. Таковы споры о „нормативномъ“ или „естественномъ“ характерѣ логическихъ законовъ, объ объективности и субъективности познанія, объ отношеніи между логикой и психологіей и т. п.

Самъ Гуссерль стоитъ на точкѣ зрѣнія, которую можно было бы назвать идеалистическимъ объективизмомъ. Онъ проводитъ рѣзкую и ясную границу между объективнымъ идеально-логическимъ содержаніемъ мышленія и субъективнымъ, реально-психологическимъ процессомъ мышленія; на почвѣ этого разграниченія онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки перенести на содержаніе мышленія или познанія субъективистическія или психологистическія категоріи, примѣнимыя къ процессу мышленія и заимствованныя изъ разсмотрѣнія послѣдняго. Эта позиція находится въ двойственномъ отношеніи къ идеямъ Канта и къ современнымъ философскимъ ученіямъ, отразившимъ вліяніе

Канта. Съ одной стороны, никто глубже, чѣмъ Кантъ, не подмѣтилъ основного различія между психологическимъ происхожденіемъ и логическимъ (или гносеологическимъ) значеніемъ нашихъ идей, между генетическимъ (каузальнымъ) объясненіемъ познанія въ психологіи и критическимъ уясненіемъ его въ гносеологіи; достаточно указать, что именно это различіе положило конецъ многолѣтнему спору между эмпиризмомъ и рационализмомъ, путемъ выясненія, что познаніе психологически происходитъ изъ опыта, но логически не можетъ быть цѣликомъ обосновано на опытныхъ данныхъ. Съ другой стороны, однако, можно также сказать, что никто не содѣйствовалъ распространенію психологизма и субъективизма въ философіи болѣе, чѣмъ Кантъ, который заставилъ весь объективный міръ „вращаться“ вокругъ человѣческаго сознанія. Правда, понятія „сознанія“, „разума“ и т. п. употребляются Кантомъ въ столь многозначномъ и мало выясненномъ смыслѣ, что, какъ извѣстно, весьма трудно уловить подлинное значеніе соответствующихъ утвержденій Канта. Однако, невозможно отрицать наличность прямыхъ противорѣчій въ его анализѣ познанія, и безспорно, что оба эти мотива—и психологистическій, и антипсихологистическій—присутствуютъ и даже рѣзко выражены въ его философіи. Этимъ было создано, по справедливому замѣчанію Гуссерля (стр. 107), „невыносимое смѣшеніе отчасти правильныхъ, отчасти ложныхъ утвержденій“. Въ какой мѣрѣ это смѣшеніе царитъ еще и въ современной гносеологіи, находящейся подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Канта и разныхъ формъ кантіанства,—это показываетъ представленный Гуссерлемъ поучительный разборъ логическихъ работъ Зигвартъ, Эрдмана, Ланге и др. Гуссерль, по меньшей мѣрѣ, вноситъ полную ясность въ положеніе дѣла, рѣшительно примыкая къ антипсихологистической тенденціи Канта и столь же рѣшительно отвергая противоположную, психологистическую тенденцію.

Еще большее значеніе имѣетъ трудъ Гуссерля, если противопоставить его тѣмъ уже явно психологистическимъ и релятивистическимъ идеямъ, которыя приобрѣли большую популярность въ послѣднее время. Мы разумѣемъ не только логическія воззрѣнія Милля, но и главнымъ

образомъ „эмпириокритицизмъ“, а также самоновѣйшую форму скептического релятивизма—т. наз. „прагматизмъ“. Эмпириокритицизмъ, который пользуется исключительнымъ признаніемъ среди нѣкоторой части нашей интеллигенціи, подвергнуть сжатой, но мѣткой и мастерской критикѣ въ особой (IX) главѣ этой книги. Признаніе плодотворности и законности „принципа экономіи мышленія“, какъ телеологической точки зрѣнія въ психологіи познанія, сочетается у Гуссерля съ убѣдительнымъ уясненіемъ несостоятельности этой философской концепціи, поскольку она притязаетъ замѣнить собою подлинный гносеологическій анализъ. О „прагматизмѣ“ Гуссерль еще не упоминаетъ, такъ какъ появленіе его книги (въ 1900 г.) предшествуетъ расцвѣту этого движенія, но читателю не трудно будетъ отнести общіе аргументы Гуссерля и къ этой, самой рѣзкой формѣ критикуемаго имъ субъективизма. Принципіальный объективизмъ Гуссерля пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, и широкій культурно-философскій смыслъ, какъ одинокій, но сильный протестъ какъ бы самого научнаго духа противъ распространяющихся вліяній скептического и субъективистическаго умонастроенія, грозящихъ пошатнуть довѣріе къ научной истинѣ и поколебать ея самодовлѣющее значеніе.

Переводъ предлагаемой первой части работы Гуссерля не представлялъ особыхъ терминологическихъ затрудненій, такъ какъ большинство сложныхъ и трудно-передаваемыхъ новыхъ логическихъ терминовъ, введенныхъ Гуссерлемъ и въ изобиліи употребляемыхъ имъ во второй (спеціальной) части его изслѣдованія, либо вообще не упоминаются въ первой части, либо же встрѣчаются въ ней только спорадически и безъ твердо установленнаго техническаго значенія, такъ что ихъ можно было передавать описательно и въ зависимости отъ общаго контекста. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждала только передача терміна „Wissenschaftslehre“. Слово „наукоученіе“, на которомъ я остановился при его переводѣ, отчасти неудобно тѣмъ, что оно исторически ассоціировалось съ системой Фихте, къ которой идеи Гуссерля не стоятъ ни въ какомъ близкомъ отношеніи. Однако, замѣнить его удобнымъ въ иныхъ отношеніяхъ терминомъ „теорія науки“ (не говоря уже о менѣе точныхъ передачахъ)

оказалось невозможнымъ, такъ какъ именно теоретическій характеръ этой дисциплины является въ работѣ Гуссерля спорнымъ вопросомъ, подлежащимъ разрѣшенію. Съ другой стороны, если самъ авторъ пользуется терминомъ „*Wissenschaftslehre*“—который по нѣмецки тоже, вѣдь, непосредственно наводитъ на мысль о системѣ Фихте—въ новомъ значеніи, примыкая не къ ученію Фихте, а къ одноименному ученію Болъца но, то не было основанія не дѣлать того же и въ русскомъ переводѣ.

С. Франкъ.

Спб., Октябрь 1909 г.

Рглавление.

	стр.
Предисловіе автора	V
Предисловіе редактора рус. перевода	VIII

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Споръ объ опредѣленіи логики и существенномъ содержаніи ея ученій	1
§ 2. Необходимость пересмотра принципиальныхъ вопросовъ	2
§ 3. Спорный вопросъ. Путь нашего изслѣдованія	4

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Логика, какъ нормативная и, въ частности, какъ практическая дисциплина.

§ 4. Теоретическое несовершенство отдѣльныхъ наукъ	6
§ 5. Теоретическое восполненіе отдѣльныхъ наукъ метафизикою и наукоученіемъ	7
§ 6. Возможность и примѣрность логики, какъ наукоученія	8
§ 7. Продолженіе. Три важнѣйшія особенности обоснованій	13
§ 8. Отношеніе этихъ особенностей къ возможности науки и наукоученія	15
§ 9. Методическіе приемы наукъ суть отчасти обоснованія, отчасти вспомогательныя средства для обоснованія	17
§ 10. Идеи теоріи и науки, какъ проблемы наукоученія	19
§ 11. Логика или наукоученіе, какъ нормативная дисциплина и какъ техническое ученіе	20
§ 12. Соотвѣтствующее опредѣленіе логики	21

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Теоретическія дисциплины, какъ основы нормативныхъ.

§ 13. Споръ о практическомъ характерѣ логики	24
§ 14. Понятіе нормативной науки. Основное мѣрило или принципъ ея единства	32
§ 15. Нормативная дисциплина и техническое ученіе	38
§ 16. Теоретическія дисциплины, какъ основы нормативныхъ	39

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Психологизмъ, его аргументы и его позиція въ отношеніи къ обычнымъ возраженіямъ.

§ 17. Спорный вопросъ, относятся ли существенныя теоретическія основы логики къ психологін	42
§ 18. Аргументація психологистовъ	43

	СТР.
§ 19. Обычные аргументы противниковъ и ихъ психологическое опроверженіе	44
§ 20. Пробѣлы въ аргументаціи психологистовъ	48

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Эмпиристическія слѣдствія психологизма.

§ 21. Два эмпиристическихъ слѣдствія, вытекающія изъ психологической точки зрѣнія, и ихъ опроверженіе . . .	51
§ 22. Законы мышленія, какъ предполагаемые естественные законы, которые, дѣйствуя изолированно, являются причиной разумнаго мышленія	54
§ 23. Третье слѣдствіе психологизма и его опроверженіе . .	58
§ 24. Продолженіе	63

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Психологическія толкованія логическихъ принциповъ.

§ 25. Законъ противорѣчія въ психологическомъ толкованіи Милля и Спенсера	66
§ 26. Психологическое толкованіе принципа у Милля устанавливаетъ не законъ, а совершенно неопредѣленное и научно не повѣренное опытное положеніе	69

Приложеніе къ двумъ послѣднимъ параграфамъ.

О нѣкоторыхъ принципіальныхъ погрѣшностяхъ эмпиризма	72
§ 27. Аналогичныя возраженія противъ остальныхъ психологическихъ истолкованій логическаго принципа. Смысленіе понятій, какъ источникъ заблужденій	74
§ 28. Мнимая двусторонность принципа противорѣчія, въ силу которой его надо понимать, какъ естественный законъ мышленія и какъ нормативный законъ его логическаго упорядоченія	79
§ 29. Продолженіе. Ученіе Зигварта	84

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Силлогистика въ психологическомъ освѣщеніи. Формулы умозаключенія и химическія формулы.

§ 30. Попытки психологическаго истолкованія силлогистическихъ положеній	88
§ 31. Формулы умозаключенія и химическія формулы	91

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Психологизмъ, какъ скептическій релятивизмъ.

	стр.
§ 32. Идеальныя условія возможности теоріи вообще. Точное понятіе скептицизма.	95
§ 33. Скептицизмъ въ метафизическомъ смыслѣ	97
§ 34. Понятіе релятивизма и его развѣтвленія	99
§ 35. Критика индивидуальнаго релятивизма	99
§ 36. Критика специфическаго релятивизма и, въ частности, антропологизма.	100
§ 37. Общее замѣчаніе. Понятіе релятивизма въ болѣе широкомъ смыслѣ.	105
§ 38. Психологизмъ во всѣхъ своихъ формахъ есть релятивизмъ.	106
§ 39. Антропологизмъ въ логикѣ Зигварта	108
§ 40. Антропологизмъ въ логикѣ Б. Эрдиана	118

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Психологическіе предразсудки.

§ 41. Первый предразсудокъ.	134
§ 42. Пояснительныя соображенія.	138
§ 43. Идеалистическіе аргументы противъ психологизма. Ихъ недостатки и вѣрный смыслъ.	142
§ 44. Второй предразсудокъ.	145
§ 45. Опроверженіе: чистая математика тоже стала бы вѣтвью психологін	146
§ 46. Область изслѣдованія чистой логики, подобно области чистой математики, идеальна	147
§ 47. Основныя логическія понятія и смыслъ логическихъ положеній подтверждаютъ наши указанія	150
§ 48. Рѣшающія различія	154
§ 49. Третій предразсудокъ. Логика, какъ теорія очевидности.	156
§ 50. Превращеніе логическихъ положеній въ равнозначныя положенія объ идеальныхъ условіяхъ очевидности сужденія. Получающіяся положенія не суть психологическія.	158
§ 51. Рѣшающіе пункты въ этомъ спорѣ.	163

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Принципъ экономіи мышленія и логика.

§ 52. Введеніе.	167
§ 53. Телеологическій характеръ принципа Маха-Авенариуса и научное значеніе экономіи мышленія	168
§ 54. Болѣе подробное изложеніе правомѣрныхъ цѣлей экономіи мышленія, главнымъ образомъ, въ сферѣ чисто	